

танное возникновение "региональных государств", пересекающих государственные границы;² еще больше ослабляет возможности правительства и уменьшает сферу государственного регулирования. Региональные государства — двигатели экономического роста, но их процветание возможно лишь при минимальном вмешательстве бюрократии.

Если политические и националистические силы способствуют укреплению государственной власти и суверенитета, то развитие современной экономики ускоряет интеграцию стран и облегчает их этнически мотивированную фрагментацию. Примирение этих столь противоречащих друг другу тенденций — главная задача нынешнего государственного управления. Мягкие формы предоставления национального статуса могут быть полезными в преодолении или смягчении факторов, вызывающих фрагментацию. Эта задача более чем серьезна — ведь потребуются заново осмыслить принцип самоопределения, пересмотреть Вестфальскую систему, отдающую все права государствам в ущерб всем прочим национальным сообществам, проявить готовность модернизировать мирные соглашения 1919-1923 годов, чтобы разумным образом удовлетворить претензии рассеянных национальных сообществ и в то же время не поставить под угрозу целостность существующих государств. Необходимо желание удовлетворять национальные требования в большем объеме, чем это диктуется принципами защиты этнических меньшинств и прав человека. Нужно признать различные типы промежуточного статуса между автономией и территориальным суверенитетом и новые принципы регионального устройства безгосударственных национальных сообществ. Все это вполне в рамках возможностей современного государственного управления.

² Kenichi Ohmae. "The Rise of the Region State", *Foreign Affairs*, Spring 1993, p. 78.

Хуан Линц

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ И НАЦИЙ

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ И ФОРМИРОВАНИЕМ НАЦИЙ

Можно сказать, что создание государств и образование наций — это два встречных, взаимосвязанных, но концептуально различных процесса.* В зоне пересечения их довольно трудно разделить, но если такое пересечение оказывается неполным (а как хорошо известно, так всегда и бывает), различия начинают четко просматриваться! Вот они-то и станут предметом настоящей статьи. И государственное, и национальное строительство — исторические процессы, зародившиеся в относительно недавнем прошлом в Западной Европе, но впоследствии более или менее

* Мы не можем избежать использования таких терминов, как государство и государственное строительство, и, соответственно, нация и национальное строительство. Понятие государства в его современном смысле обозначает верховную правительственную власть и осуществляющий ее аппарат. Правители королевств, упоминающихся в первой части этой работы, обладали верховной властью, но реально контролировали только свои собственные домены, так что на практике центральной исполнительной власти там не существовало. Возникновение современного государства — это постепенная концентрация административных функций в руках центрального правительства. Понятие нации относится по меньшей мере к двум объектам: во-первых, это исторически сложившаяся группа с общей культурой и языком; во-вторых, это единство центрального правительства и равных перед законом граждан (идея, восходящая к Французской революции). Однако даже взвешенное и осторожное использование этих терминов всегда в конечном счете приводит к противоречиям и разночтениям из-за того, что в мире существуют как национальные движения, действующие в границах нескольких государств, так и нации-государства с недовольными национальными меньшинствами, государства, неспособные адекватно учитывать национальные чувства какой-то части своих граждан, государства, применяющие французский принцип национальной государственности при отсутствии исторически сложившегося национального сообщества, и т.п. Ради терминологической согласованности, я буду говорить о государствах и государственном строительстве, имея в виду события, происходившие до 1500 г., а в применении к более позднему времени стану использовать понятия нации и национального строительства, а иногда и нации-государства.

успешно распространившиеся по всему миру.² Впрочем, их развитие не всегда происходило успешно и беспрепятственно и на европейской сцене.

В самой Европе образование государств исторически предшествовало формированию наций. В некоторых странах государственное строительство заходило достаточно далеко еще до того, как начинали создаваться национальные общности. Несколько лет назад, побуждаемый Стэном Рокканом, я написал об этом на испанском материале статью, озаглавленную "Раннее государственное строительство и запоздалый антигосударственный периферийный национализм".³ В идеале (по крайней мере, с определенной точки зрения) и одновременное, и последовательное формирование государств и наций должно закончиться образованием того, что мы называем национальным государством. На практике, однако, это происходит достаточно редко — такие государства можно пересчитать по пальцам если не одной руки, то не более, чем двух. Мы живем в мире, где подлинно национальные государства составляют скорее исключение, в мире, заполненном как многонациональными государствами, так и государствами, где роль доминирующей нации в той или иной степени оспаривается и другими национальными группами. В этом мире существуют, наконец, и нации без собственной государственности. Если бы все потенциальные нации начинали и более или менее успешно доводили бы до конца процесс национального строительства, устойчивость многих и многих ныне существующих государств оказалась бы под вопросом.

Исходя из этих несомненных фактов, можно было бы прийти к выводу (как то и делают идейные сторонники национализма, превыше всего ставящие принцип национального самоопределения), что все без исключения нации должны защищать свою культуру и самосознание строительством собственной государственности. Они заходят даже дальше, призывая всех, на кого еще не снизошла благодать национального пробуждения, незамедлительно начать борьбу за свою государственность. Сторонники этих взглядов заявляют, что будущее за миром чисто национальных государств, что ни одна из существующих на Земле наций не

должна остаться без собственного государства и что любое из нынешних государств, не способное отождествить себя с определенной нацией, не имеет шансов на выживание. К сожалению, как мы хорошо знаем, число потенциальных наций многократно превышает как количество уже сформировавшихся наций, со своей государственностью или без нее, так и — в еще большей степени — число ныне существующих государств.

Конечно, существует Организация Объединенных Наций, но на деле в нее входят не нации, а государства. ООН правильной было бы называть ООГ, Организацией Объединенных Государств. Сейчас мало кто, особенно среди интеллектуалов, проявляет интерес к идее строительства государства (даже если это будет означать отказ от создания национальных государств), и мало кто признает возможность создания "государства-нации" — то есть государства, к которому граждане относятся с такой преданностью и которому они оказывают такую поддержку, какой, по мнению убежденных националистов, заслуживают одни только нации. Однако в этом нет ничего невозможного. Становясь на подобную точку зрения, мы должны быть готовы отказаться от привычной веры в то, что каждому государству надлежит всеми силами стремиться к превращению в национальное государство в традиционном смысле этого термина.

Под таким углом зрения я и намерен поставить ряд вопросов, которые могли бы стимулировать исследования в будущем. Можно было бы утверждать, что процессы государственного и национального строительства допускают разделение только в теории, а на деле они всегда развивались и развиваются рука об руку. Я склонен, однако, считать, что как раз в конкретной истории различных обществ эти процессы отличались друг от друга в прошлом и отличаются в настоящем.

Начнем с того, что начало государственному строительству было положено закатом феодализма, Ренессансом и Реформацией. Это был результат кризиса христианской империи и противоборства между возникающими монархиями западной, а затем и северной Европы. Государ-

ство, по меткому замечанию великого историка Якоба Буркхардта⁴, было "произведением человеческого творчества", и с самого своего возникновения несло на себе некий налет сделанности, искусственности, сознательного конструирования. Отнюдь не случайно для описания процесса государственного строительства нередко пользуются терминами и образами архитектоники, как не случайно и то, что с развитием современной физики в государстве стали видеть нечто вроде машины. В то же время процессы государственного строительства никак не напоминают об органическом росте и развитии и не вызывают аналогий с биологическими процессами — аналогий, столь обычных, когда речь идет о национальных проблемах. Государство — это нечто внеприродное, оно не рождается, а создается. Процессы государственного строительства успешно развиваются уже несколько столетий, и начались они до того, как национальная идея воспламенила воображение интеллектуалов и народа. Именно поэтому число независимых политических образований Европы с нескольких сотен в 1500 г. четырем столетиями позднее уменьшилось примерно до двадцати пяти. Вплоть до Французской революции с ее поддержкой ряда независимых республик, примыкающих к французским границам, и последующей поддержки ряда национальных движений Наполеоном процессы государственного строительства фактически никоим образом не базировались на национальных чувствах, национальном идентитете или национальном сознании. (Французская революция вовсе не экспортировала национализм, поскольку созданные ею Батавская и Гельветическая республики были просто инструментом французского контроля оккупированных территорий Нидерландов и Швейцарии.) Если между национализмом и Французской революцией и была какая-то связь, она состояла в возникновении (иногда после падения прежних династий и краха политиков и дипломатов) контрреволюционных массовых движений, стремящихся защитить свои народы и взявших дело суверенитета в свои руки — как это произошло в Испании после наполеоновской оккупации. Точно так же не имела ничего общего с

национализмом и борьба за выход Франции к ее "естественным границам" — она диктовалась исключительно интересами французского государства. Наполеон, перекраивая карту Европы, отнюдь не создавал новых национальных государств; он либо сажал своих родственников и генералов на троны ранее существовавших монархий (скажем, Испании или Неаполитанского королевства), либо учреждал для них новые, такие как Вестфальское королевство. Однако не подлежит сомнению, что без каких-то протонациональных чувств не обходилось уже тогда, когда люди видели в себе подданных своего государства или верных слуг своего монарха.⁵ Рано или поздно в большинстве этих стран начинали зарождаться "государства-нации", и именно государства, существовавшие тогда, стояли у истоков этих процессов.

Если говорить о конкретной истории, то "нации" стали появляться лишь в прошлом столетии, причем преимущественно во второй его половине. Лишь в нескольких странах формирование наций послужило основой государственного строительства: это Италия, Германия, Греция, а также Венгрия, где процесс принял совершенно особый характер в силу двуединой структуры Австро-Венгерской империи. Очень любопытен пример Бельгии, которая добилась независимости от Нидерландов только в 1830 г., хотя ее политическое выделение началось еще в шестнадцатом столетии. Казалось бы, все говорило за то, что в этой стране начнется интенсивное национальное строительство, однако в нашем столетии под влиянием фламандского национализма в Бельгии сформировалось многонациональное государство. В девятнадцатом веке венгерский национализм был одним из сильнейших в Европе, однако корона Святого Стефана простерла власть опять-таки над многонациональным государством. Специалисты по итальянской истории не могут прийти к согласию, чего было больше в процессе объединения Италии — государственного строительства под руководством Кавура или же формирования новой нации, которое возглавили Мадзини и Гарибальди.⁶ Хотя в Германии сильное национальное движение существовало еще до начала ее объединения, германский рейх был в куда большей степени созданием Бисмарка, чем националистов.

Не приходится сомневаться, что мирные договоры, заключенные после первой мировой войны, внесли очень важный вклад в национальное строительство. Интересно, однако, что новые государства, возникшие на основе этих договоров и принципа самоопределения, провозглашенного Вильсоном, не были национальными государствами в чистом виде. Например, население новой Чехословацкой республики лишь на 64,8% состояло из чехов и словаков, а на 23% — из немцев. Состав населения Польши был таков: поляки — 69,2%; украинцы — 14,3%; евреи — 7,8%; немцы и русские — по 3,9%. В Латвии доля титульной нации составляла 73,4% (а русских было 10,3%), в Литве — 80,1%, и в Эстонии — 87,6%. Безусловно, распад четырех империй на множество новых государств и перекройка государственных границ не были прямым результатом национального строительства. В самом деле, трудно считать национальными те государства, которые заново возникли на основе Парижского мирного договора или расширили по этому договору свои территории. Это доказывается простым перечислением: Югославия, Чехословакия, Польша, три Прибалтийских республики и расширившая свою территорию Румыния. Титула национального государства заслуживала только Финляндия, где шведы составляли действительно незначительное меньшинство, к тому же вполне преданное новому государству, предоставившему говорящей по-шведски части населения очень значительные права.

Если доминирующие нации этих новых государств, такие, как сербы, чехи, поляки, литовцы, латыши и эстонцы, и могли считать себя "освобожденными", то это вряд ли относилось к хорватам, словенцам, судетским немцам, ко многим словакам, польским немцам, украинцам и евреям, и даже к различным меньшинствам государств Балтии. В разных странах меньшинства уважали или притесняли по-разному, а идея многонационального государства подчас получала защиту в теории (хотя редко проводилась в жизнь на практике) из-за привлекательности лозунга национального строительства. Новым странам было весьма непросто создавать свою государственность и тем более непросто формировать свои нации. На ряде исторических примеров

можно проследить, как приоритет национального строительства создавал в новых государствах нестабильность и кризисы, а по прошествии времени подчас приводил их к краху.⁷ Из восьми новых государств, возникших в Европе после первой мировой войны, лишь три были стабильными демократиями: Финляндия, Чехословакия и Ирландия. Из пятнадцати ранее существовавших европейских государств демократическими режимами обладали девять в то время как ни одно из государств-наследников поверженных империй не было демократическим.

Нам еще предстоит обсудить вопрос, был ли национализм причиной или следствием кризисов государств и империй прошлого, не способных приспособиться к требованиям времени, провести демократизацию или решить иные насущные задачи. После того, как Австрийская монархия в итоге знаменитого Компромисса 1867 г. превратилась в Австро-Венгерскую, венское правительство попыталось пойти дальше и восстановить Чешское королевство, проведя коронацию Франца-Иосифа в Праге, как он уже короновался в Будапеште. Однако эти планы немедленно встретили ожесточенное сопротивление со стороны венгерских и немецких националистов. Еще раньше, в 1848 г., Франтишек Палацкий отказался участвовать в работе общегерманского Национального собрания во Франкфурте, поскольку считал себя чехом, а не немцем. Вот его собственное объяснение: "Когда я пытаюсь найти за пределами Чехии тот центр, который мог бы наилучшим образом гарантировать и защитить мир, свободу и права моей нации, природные и исторические причины заставляют меня обратить взгляд не на Франкфурт, а на Вену."⁸

Изучая процессы государственного строительства и сопутствующие им кризисы, мы можем лучше видеть причины, почему множество потенциальных наций, нанесенных на этнографические и лингвистические карты, так и не преуспели в своей эволюции, и понять, почему в определенных исторических обстоятельствах, при наличии сильных или слабых националистических движений, возникали или не возникали те или иные национальные государства.

Фактор установления государственных границ без уче-

та этнографической структуры населения действует и во второй половине XX века. Независимые государства Африки возникали на базе существующих колониальных границ. Сложность национального строительства при сильном перемешивании гомогенных племен, народностей и языков вынудила африканских политиков признать неизменность границ, существующих на континенте. Новые (и по замыслу, национальные) государства, возникающие сегодня на развалинах Югославии и Советского Союза, унаследовали границы от бывших административных территориальных членений, возникших исторически или проведенных по воле Сталина, хотя это порождает бесконечные территориальные споры и конфликты. Международное сообщество согласно с тем, что новые государства должны устанавливаться в границах, соответствующих прежнему территориальному членению, и последовательно защищает этот принцип. Какой бы важной ни была идея нации, реальность государственности, старой или новой, все еще преобладает. Вся проблема в том, можно ли реально заниматься государственным строительством, стимулируя создание не чисто национальных государств, а государств, граждане которых будут разделять чувство единства со своей многонациональной страной, чувство, без которого демократия вообще немыслима?*

Теперь поговорим немного о сущности государства — и

****После возникновения Германской империи в Австрии стали сильно задумываться о возможностях сосуществования нации и государства, не движущихся к созданию национального государства. Игнац Зайпель в опубликованной в 1916 г. книге "Нация и государство" отмечал, что культурный национализм не влечет за собой политического национализма, и защищал идею либерального многонационального государства.**

Интересно, что на рубеже нашего века такие венские руководители, как премьер-министры Тааф и барон Бек, пришли к выводу, что демократизация поможет увести политику от национальных конфликтов и введет ее в русло плодотворных общественных реформ. После того, как Бек при поддержке императора Франца-Иосифа в 1906 г. ввел всеобщее (для мужчин) избирательное право, националистические силы стали терять, а Социалистическая, Христианско-Социальная и Аграрная партии приобретать голоса избирателей. Эдвард Бенеш, один из основателей и будущий президент Чехословакии, в 1908 г. считал, что распада

это послужит неплохой отправной точкой для обсуждения процессов государственного строительства, позволяющего выяснить ряд различий между созданием государств и формированием наций. Начнем с определения государства, принадлежащего Максу Веберу⁹: "Государством может быть названа такая постоянно действующая политическая организация с обязательным членством, чья администрация успешно проводит в жизнь свою монополию на законное применение силы для осуществления порядка". Тот же Вебер позднее уточнил, что "именно оно, государство, поддерживает административный и правовой порядок, изменяемый лишь посредством законодательных мер и обязательный для административных органов, действующих в рамках существующих законов" (здесь Вебер имел в виду прежде всего современное государство, осуществляющее свои функции на строго правовой основе).

Можно привести и более новое определение, принадлежащее Чарльзу Тилли¹⁰: "Организация, которая контролирует население определенной территории, является государством, если она, во-первых, не смешивается с другими организациями, действующими на той же территории, во-вторых, автономна, в-третьих, централизована, и, в-четвертых, различные ее подразделения официально координируются друг с другом."

Существование государства предполагает определенную систему ролей и правил, а также доступ к определенным ресурсам. Государство реализует свою власть через

(продолж.) Австро-Венгрии можно избежать. В книге "Австрийская проблема и чешский вопрос" он писал: "О расчленении Австрии говорят часто, но я в него не верю. Исторические и экономические связи между различными нациями в империи слишком сильны для того, чтобы такое расчленение стало возможным. Введение всеобщего избирательного права и демократизация государственной системы, особенно в Чехии, готовят почву для национального примирения."

Кризис имперской политической системы был порожден прежде всего не национализмом небольших угнетаемых наций, а непримиримостью главных наций империи — германской и венгерской — и их усиленными попытками государственного строительства.

сильно дифференцированную и структурированную сеть учреждений, суды, вооруженные силы, законодательные органы, и т.п. В современных государствах чиновники и прочие официальные лица ограничены в действиях конституционными нормами, действующим законодательством, инструкциями, обычаями (а в прошлом большую роль играли и традиции). Время неограниченных властителей ушло в прошлое — в современных государствах любая власть должна подчиняться определенным правилам. В принципе, государство обладает монополией на законное использование насильственных методов. Такое насилие, позволяющее государственному аппарату принудительно заставить людей подчиняться определенным правилам, само по себе ограничено действующими в данном государстве законами и нормами (и этим отличается от индивидуального насилия).

Государство также располагает экономическими ресурсами — для того взимаются налоги и пошлины. Контроль государства распространяется на всех обитателей подконтрольной ему территории, включая не только его собственных граждан, но и иностранцев. Оно может не только принимать законы и устанавливать те или иные правила, но и обеспечивать их исполнение, используя суды и иные средства принуждения. Государство в состоянии заставить своих подданных подчиняться законам, что бы те ни думали об их справедливости или несправедливости. Чем дальше развивается успешное государственное строительство, тем в большей степени укореняется идея правового государства, действующего в духе законов и исключаящего произвол. Демократизация государственных устоев создает институт гражданства, иначе говоря, такой связи между человеком и государством, которая предоставляет всем без исключения его жителям, кроме иностранцев, определенные права и налагает на них определенные обязанности.¹¹

Отнюдь не всякое государство укладывается в эту идеальную модель. Одни государства не располагают монополией на законное насилие — это происходит, когда власть оспаривается повстанцами, контролирующими какую-то часть государственной территории (пример: фашистские

сквадристы в Италии после первой мировой войны), а другие очень плохо справляются с взиманием обеспечивающих их потребности налогов. Чиновники подчас пользуются своей властью не для общественной, а для личной пользы. Государство может принимать законы, которым мало кто подчиняется. В общем, существуют разные уровни развития государственности, равно как существуют и государства, находящиеся в состоянии развала.

Нужно подчеркнуть, что недемократические государства с жестокими режимами подчас заботятся о благосостоянии своих граждан и осуществляют полезные для общества цели; точно так же есть "государства зла", жертвующие своим населением в угоду личным интересам или утопическим целям правителей. Примерами тому могут служить тоталитарные государства и диктаторские режимы.¹²

Государства по своей сути — искусственные, машиноподобные образования, формирующие общество по своему образу и подобию. Современное либеральное и демократическое государство добилось немалых успехов в смягчении насилия (включая уменьшение насилия в частной жизни), защите собственности и создании прочих условий функционирования цивилизованной рыночной экономики, признании основных прав человека и формировании на этой основе социального и культурного пространства для развития личности. Однако у современного государства есть и многочисленные отрицательные стороны, особенно заметные у некоторых специфических режимов.¹³

Жители любого государства, независимо от их языка, культуры и вероисповедания, независимо даже от степени их индивидуального самоотождествления с этим государством, обязаны подчиняться ему и его законам как единому верховному авторитету. Интересно, что аббат Сийес в своем определении государства (нации) как "союза людей, связанных единым законом"¹⁴ (во время революционного перехода Франции от монархии к республике) отчасти говорил о том же, о чем говорим мы, имея в виду не нацию, а государство. Современное государство покоится на фундаменте общего для всех гражданства, общих прав и общих обязанностей. Государство ожидает от своих граждан

определенной лояльности, но, вообще говоря, не требует от них сильной привязанности, единой религии или языка, общих для всех ценностных установок и тому подобное. В то же время жители действительно национальных государств разделяют все или какие-то из этих ценностей.

Напротив, существование нации по Веберу "прежде всего означает правомерность ожидания, что какие-то группы будут испытывать по отношению друг к другу и перед лицом других групп сильную взаимную солидарность"¹⁵; иначе говоря, понятие нации принадлежит сфере ценностей. Вебер также отмечает, что существуют разные мнения по поводу того, как именно следует выделять такие группы или к каким согласованным действиям должна вести ощущаемая ими солидарность. В обычном языке нация не обязательно связывается с жителями определенного государства, иначе говоря, с членами какой-то одной политической общности.

Сказанное отнюдь не означает, что на практике состав нации не может исчерпываться гражданами данного государства — просто это совсем не обязательно. Эти различия хорошо видны на примере Германии перед ее недавним объединением. До 1990 г. существовали два германских государства, хотя в то же время, по распространенному мнению, получившему окончательное подтверждение в крахе ГДР, была лишь одна германская нация, разделенная между ними.¹⁶

Теперь давайте обсудим некоторые важнейшие различия между нациями и государствами. Несмотря на существование лидеров национальных движений и националистических организаций, а также личностей, выступающих в качестве глашатаев национальной идеи и носителей (в веберовском смысле этого слова) национальных чувств, нации все же не имеют собственных чиновников и других официальных лиц, выполняющих заранее определенные для них формальные роли. Аналогично, не бывает никаких четких правил для определения национальной принадлежности. Хотя националисты подчас и понуждают к определенным действиям или определенному стилю поведения кого-то из тех, кто отождествляет себя (или, по мнению националисти-

ческих лидеров, должен отождествлять) с данной нацией, все же соблюдение прав и выполнение обязанностей, вытекающих из такого отождествления, не подкрепляется никакими законными мерами принуждения, если только оно не санкционируется и не контролируется государством. Нация как таковая не обладает военной и полицейской властью, не взимает налогов и не располагает средствами принуждения. Только государство, поддерживающее претензии и устремления определенной нации (само оно может быть, а может и не быть национальным) способно обеспечить средства и предоставить ресурсы для достижения национальных целей.

На это можно возразить, что нация, которая возникает из национального движения, все же подчас оказывается в состоянии проявить свою власть, использовать насилие и взимать в свою пользу материальные ресурсы, даже если за ней и не стоит мощь государства. Однако в современной международной системе государств это означает лишь то, что подобные движения присваивают некоторые функции государства, которое в итоге лишается части законной власти. Например, националисты могут создать армии, обладающие на определенной территории такой силой, что государство фактически теряет контроль над этой территорией и лишается возможности навязывать свою волю ее населению. В этом случае мы имеем дело либо с гражданской войной, либо с национально-освободительным движением. Такое движение может в конечном счете создать новое государство, однако годы борьбы за власть будут стоить населению многих ценностей, с которыми ассоциируется современное государство, особенно если оно было либерально-демократическим. На практике борьба националистов против существующего государства почти всегда разрушает право и порядок и открывает дорогу сильнейшему произволу и насилию. Не следует, однако, отождествлять нации с теми движениями, которые активизируют национальное сознание.

Нации как таковой не может быть свойственна внутренняя организация, типичная для современных государств. У нее нет автономии, чиновников, правил и зако-

нов — есть только ресурсы, происходящие из того психологического отождествления, которое привязывает к ней людей, считающих себя ее членами. Если государство может существовать на основе формального подчинения граждан навязанным им нормам, то нация требует от своих членов какой-то глубинной верности и идентификации.

Мы все живем под юрисдикцией того или иного государства. На земном шаре уже давно не осталось мест, на которые не распространяются власть или претензии ныне существующих государств. За исключением людей без гражданства (категория, первоначально определенная Лигой Наций, выдававшей им так называемые нансеновские паспорта), каждый человек является гражданином или подданным какого-либо государства. В то же время миллионы людей вполне обходятся без национального сознания и не относят себя к определенной нации. Когда их спрашивают о таких вещах, они обычно отвечают, в какой стране живут, но на этом все и заканчивается — мышление в национальных терминах им попросту чуждо. Многие из тех, кто, согласно критериям этнологов, лингвистов, политологов и лидеров националистических движений, должны быть причислены к той или иной нации, на деле не видят себя в этом свете и либо вообще не ощущают своей национальной принадлежности, либо полагают себя членами какой-то иной нации.

По словам идеолога национализма, каталонца Прат де ла Рибя, хорошо понимавшего различия между государством и нацией, *"государство в своей основе отличается от нации, будучи политической организацией, обладающей независимостью в международной сфере, представляющей высшую форму власти в сфере внутренней, и располагающей такими людскими и финансовыми ресурсами, которые позволяют ей охранять свою независимость и утверждать власть"*.

Нацию же де ла Рибя определял как *"живое, органическое, естественное единство, существующее несмотря даже на наличие не признающих его законов. Именно естественность нации прежде всего отличает ее от такого искусственного дела рук человеческих, каким является государство."*¹⁷

В 1906 г. монах-капуцин Эванджелиста де Иберо в своем националистическом катехизисе для басков выразил те же самые мысли, только в более эмоциональной форме!¹⁸ По его словам, "нация есть нечто естественное, нечто рожденное самой природой, в то время как государство — это искусственное творение человеческой воли" (более подробную цитату можно найти в работе, названной в примечании 3).

Эта природная сущность нации, противопоставляемая искусственности государства, постоянно подчеркивается в работах националистических мыслителей. Однако по зрелом размышлении становится ясно, что нация — не природное, а культурное образование, продукт определенного развития культуры. Поэтому национальный идентитет можно рассматривать как понятие не менее искусственное, чем государство.

Таким образом, как национальное, так и государственное строительство оказываются, если использовать цитируемое выражение Буркхардта, произведениями человеческого творчества, итогами сознательных усилий лидеров. Задача состоит в том, как наилучшим образом проанализировать трудности и успехи обоих процессов и оценить степень их взаимодополняемости и несовместимости. Успешное государственное строительство — отнюдь не простая задача, но по сложности такая задача, вероятно, уступает национальному строительству, особенно если оно осуществляется одновременно с созданием государства. Как это ни парадоксально, нации формируются гораздо легче, если государство испытывает кризис или находится в состоянии распада. Любопытно, что национальное строительство (по крайней мере, в каких-то смыслах этого термина) может проходить особенно легко в отсутствие сложного и структурированного гражданского общества. Формирование современного государства уже предполагает наличие достаточно развитого гражданского общества. Например, государство покоится на фундаменте правовой культуры, зависящей от качества юридического образования в университетах — без этого почти невозможно создать хотя бы минимально эффективную бюрократию, в которой государство остро нуждается. Государству нужна продук-

тивная экономика, использующая деньги как средство обмена — иначе очень затрудняется сбор налогов. Эти соображения приобретают особую важность при обсуждении процессов, имевших место в Советском Союзе еще до его распада: потеря партией, занявшей место государства, своей легитимности; слабое гражданское общество. В таких условиях немудрено обратиться к формированию наций как к средству выхода из кризиса.¹⁹ После этого нетрудно понять привлекательность национализма и рост его влияния в государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Во многих европейских странах процессы государственного строительства развивались на фундаменте достаточно успешных средневековых монархий, постепенно становившихся сословными, абсолютистскими а после Французской революции — конституционными. Затем развитие шло на базе демократизации. Большую роль играли династические браки и войны, приводившие к приобретению и потере территорий и объединению различных коронных земель с собственными государственными структурами под властью единого монарха. Со временем королевский двор и его бюрократия начинали управлять этими землями из единого центра, а в конституционных монархиях они подпадали под юрисдикцию и центральной законодательной власти. В результате возникали единая армия, единая юриспруденция и единая система налогообложения и финансов, уточнялись и фиксировались границы, а подданные короля постепенно превращались в граждан своего государства. В то же время на начальных и средних стадиях государственного строительства никого особенно не занимало формирование общей для всех культуры и уж совсем мало внимания обращалось на рождение единого языка; правда, единые ценности все же закреплялись на основе принципа "каков король, такова и вера", который применялся повсюду, за исключением стран со смешанным населением, где в какой-то мере существовала веротерпимость. Дворянство, служители церкви и, в еще большей степени, народные массы были обязаны верностью исключительно правителю данной территории, а если территория перехо-

дила в другие руки, ее население без особых сложностей признавало нового властелина. На деле многие дворяне могли сами выбирать себе короля и служить ему независимо от своего происхождения. Н. Прерадович в исследовании элитных групп Австро-Венгерской империи показал сильную неоднородность ее правящей аристократии.²⁰

В западноевропейских монархиях с рано установившимися границами (Португалия, Испания, Англия — Уэльс — Шотландия, Франция и в меньшей степени страны Скандинавии) и слуги короны, и простой народ разделяли чувство гордости своей страной, которое можно назвать протонационалистическим, и отождествляли себя с ней. Эти чувства присутствовали и у населения расчлененных королевств и территорий, но в таком случае они уже не опирались на общий для всех язык. Трудно точно определить, когда на их основе возникло то, что сейчас мы называем национальным мироощущением. Нет сомнения, что это произошло уже после Французской революции, в одних случаях как реакция на экспансию якобинской республиканской идеи, а в других — как результат сопротивления наполеоновским завоеваниям.

По мере демократизации и формирования равного для всех гражданства эти государства еще в большей степени делались национальными. Возникновение национализма несомненно связано с республиканскими идеями, однако не следует забывать, что до XX столетия в Европе было очень мало республик. Параллельно в каждой стране формировался единый язык, в значительной степени благодаря действиям администрации и судов, которым он был необходим чисто практически. Обычно такой язык строился на фундаменте относительно успешных вариантов литературного языка, но вплоть до конца прошлого века это не было частью процесса сознательного языкового строительства, которое в западной Европе шло медленно и, по большей части, произвольно.

Можно было бы сказать, что если бы создатели государств лучше понимали значение национального строительства, они бы занялись им задолго до наступления XX века. На практике получилось, что большинство западно-

европейских государств стали более или менее успешными национальными государствами еще до того, как утвердилась и стала господствующей сама идея национального строительства. В итоге такие государства сохранили стабильность вплоть до наших дней, несмотря на возникновение периферийных националистических движений в Испании, Франции и Соединенном Королевстве (за исключением Ирландии). Интересно, что когда кризис режима Франко поставил под сомнение наличие единой испанской нации и стимулировал сильные периферийные националистические движения, почти все их лидеры предпочитали говорить "Это государство" или "испанское государство", избегая употребления слова "Испания". Таким образом, они отрицали (с большей или меньшей силой и риторическим пылом) существование испанской нации, но не испанского государства.

Девятнадцатое столетие, на первый взгляд, представляется эпохой национального строительства и грез о нем в притесняемых национальных группах. Но более тщательное изучение исторических событий заставляет увидеть вещи в иной перспективе. После такого изучения отнюдь не случайными кажутся слова либерального пьемонтского политика Массимо д'Азеглио, сказанные в 1860 г., то-есть, уже после объединения Италии — "Италию мы создали, теперь нужно создать итальянцев". Смысл здесь в том, что формирование государства уже успешно закончилось, причем по большей части посредством традиционных методов, но теперь на повестке дня — задача строительства нации. Хотя в Германии национализм был значительной силой уже с начала прошлого века, созданная Бисмарком Германская конфедерация была итогом не национального, а государственного строительства, осуществлявшегося под руководством Пруссии, чьи правящие слои относились к созданию германской нации без большого восторга, опасаясь, что оно приведет к демократизации государства.²¹ В объединенной Германии усилился национализм и интенсифицировались попытки национального строительства. Однако во времена Второго Рейха культурная и языковая разнородность германских земель отнюдь не ушли

в прошлое, а национальные меньшинства сохранили представительство в Рейхстаге.

На деле подъем пангерманизма в Австрии, а в некоторой мере и в Германии был итогом враждебности к государству, не желавшему серьезно заниматься национальным строительством. Вовсе не случайно, что Гитлер выразил в "Майн Кампф" враждебность к германскому *Spaatsglaubigkeit*²²

Центром объединения Германии стала Пруссия, Италия — Пьемонт. Именно существование этих двух ключевых государств, с их бюрократами, дипломатами и офицерством сделало возможным последующее национальное строительство, которое осуществлялось интеллектуалами, университетскими профессорами, школьными учителями, экономистами и бизнесменами, выступающими за протекционизм. Со временем в обеих странах этот процесс привел к возникновению крайних форм национализма. В совсем ином положении в то же самое время оказались "малые" народы Центральной и Юго-восточной Европы, проживавшие в Австро-Венгерской и Российской империях. Эти народы осуществляли национальное строительство помимо государства и против его воли (различные фазы этого процесса хорошо описаны Мирославом Грохом)²³. Это относится, к примеру, к чехам, литовцам, эстонцам, словакам, а также к фламандцам. У всех этих народов первоначальные "носители" национальной идеи еще не думали о возможности создания собственного государства, мечта о котором явилась в центре их усилий лишь много позже. Иначе обстояли дела в Норвегии, разорвавшей в 1905 г. унию со Швецией. В Норвегии уже существовало квазигосударство, которое и сделало возможным такой разрыв. Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи, также обладало различными автономными государственными институтами. Пока царизм не начал проводить русификацию Финляндии, эти институты могли, не раздражая Петербург, использоваться для целей национального строительства. В то же время возникновение в этом регионе новых национальных государств стало возможным лишь в результате военного поражения Австро-Венгерской империи и революционного кризиса в России. Распад Российской

ской империи привел к признанию полной независимости Финляндии, возникновению трех прибалтийских республик, объединению Польши и включению Бессарабии в состав Румынии. Тогда же возникли еще несколько государств, ни одно из которых не просуществовало более трех-четырех лет: Бухара, Хива, Грузия, Армения, Азербайджан и Украина. Еще несколько народов получили независимую государственность менее, чем на один год: Крым, Белоруссия, Башкирия, поволжские татары и степные народы Казахстана.²⁴ Это было возможно под воздействием тогдашней международной обстановки, в частности, из-за того, что страны Запада боялись распространения большевистской революции. Нередко нации и национальные движения были слабыми, и московские большевистские правители могли сохранять контроль, хотя подчас и они были вынуждены идти на определенные, пусть и кратковременные уступки. Обычно границы новых государств проводились, как Бог на душу положит, и не соответствовали этническим и лингвистическим границам, а население состояло из людей разных национальностей и языков, что создало предпосылки для возникновения в будущем ирреденты и территориальных претензий со стороны соседей. Результатом стало активное стремление к национальному строительству, что в свою очередь способствовало нестабильности этих государств. Доминировавшие национальные группы занимались национальным строительством, успехи которого ставили под сомнение лояльность остальных граждан. Со временем эта тенденция привела к ослаблению или распаду нескольких государств, например, Чехословакии, Польши, а также Югославии, где главенствовали сербы.

По мнению многих, в наше время именно национализм стал причиной развала Югославии и Советского Союза. Но не следует забывать, что во многих случаях новые независимые государства были созданы прежней государственной элитой, пытавшейся поставить себе на службу национальные чувства населения, в то же время сохранив прежнюю государственную структуру (подчас вместе со своими должностями), а также не допустить изменения прежних границ, несмотря на их несоответствие этническим, языковым и

культурным реалиям. В какой-то степени исключение из этого правила — государство Балтии.

СЛОЖНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Исходным пунктом для последующего обсуждения будет признание факта, что на большей части земного шара процессы национального строительства развивались очень и очень нелегко, а подчас и крайне болезненно, что бы ни говорили по этому поводу сторонники неограниченного самоопределения (утверждающие право любой нации на собственную государственность или проповедующие вечный и естественный характер наций) с их упрощенными представлениями об исторической реальности. Приняв это за основу, я намерен показать, что отнюдь не всегда нужно стремиться к столь ценимому нами культурному многообразию или защищать его от посягательств. Во-вторых, я постараюсь убедить читателей, что в нашем веке, в отличие от прошлого столетия, все труднее и труднее превратить каждое из существующих государств в национальное. На деле подобные попытки приводят к тому, что во многих частях земного шара государственное строительство становится все менее надежным, а то и вообще невозможным.

Можно легко показать, что правовое демократическое государство, не являющееся, строго говоря, национальным, все же способно вызывать у своих граждан такие чувства преданности и эмоциональной поддержки, которые, по мнению многих, могут принадлежать только нации.

С другой стороны, мы докажем, что национально мыслящие граждане вполне могут обойтись без создания своих национальных государств, если существующее многонациональное государство в состоянии создать условия для развития их культуры и сохранения их национального идентитета. Здесь имеет место ряд терминологических сложностей, поскольку нам понадобятся специальные понятия для обозначения как наций, существующих в государствах, которые не стремятся стать национальными государствами, так и государств, не проводящих политику

национального строительства, но тем не менее приобретающих некоторые черты национальных государств. Государства, заслуживающие названия "государства-нации", должны быть многонациональными или, как минимум, поликультурными. Не будем, однако, забегать вперед, и прежде всего обратимся к ряду важнейших фактов, которые часто игнорируются в интеллектуальных (и еще чаще в политических) спорах о национализме.

Что бы ни утверждали по этому поводу различные националистические идеологии, нации не создаются природой и не начинают требовать собственной государственности по мановению волшебной палочки. Об этом со всей определенностью писал Эрнст Геллнер²⁵; этот вывод косвенно поддерживается как весьма убедительными результатами Гроха, показавшего, что требуется много времени и усилий для пробуждения в малых группах националистических чувств, и что попытки пробудить радикальный национализм среди населения стабильных западных государств и, тем более, поднять его на борьбу за отделение и независимость бесплодны.

Есть немало данных, что "первородство" (в том смысле, который придавали этому термину Эдвард Шилз и Клиффорд Гиртц) само по себе не переходит в "национальный национализм", хотя и может трансформироваться в "национальное самосознание".²⁶ Я сам показал, исследуя современную Испанию и французскую часть Страны Басков, что каким бы сильным ни было первичное самоотождествление, основанное на общности языка и происхождения, оно совсем не обязательно порождает исключительное национальное самосознание, не говоря уже о призывах к созданию национального государства. Скорее дело выглядит так, будто ревностные националисты проявляют готовность к отказу от "первородных" черт в качестве идентификаторов своей нации, заменяя их территориальными претензиями, которые позволяют включить в число членов нации и тех, кто как раз не может претендовать на обладание такими "первичными" характеристиками. Трансформация национального идентитета в добровольный выбор, независимый ни от каких "первородных" особенностей, влечет за собой отверже-

ние националистическими движениями индивидуумов, которые обладают этими чертами, но не поддерживают самих движений. Национализм, как блестяще показал Макс Вебер²⁷, отнюдь не сводится к переводу отличительных первородных черт в сферу политики. Идеологи национализма обычно игнорируют эту сторону дела, сводя основу националистического движения к носителям данного языка или последователям данной религии и не задумываясь над тем, какая часть этих людей действительно видит в подобных атрибутах основу формирования нации или, тем более, строительства национального государства. С другой стороны, выдвигая свои претензии, националисты нередко засчитывают все население данной территории в члены своей нации, независимо от происхождения и даже от желания выделиться в качестве отдельной нации и создать свое национальное государство. Тщательное изучение всех фактов, имеющих к этому отношение, могло бы серьезно подорвать многие националистические претензии, однако в странах с реальными националистическими конфликтами сделать это практически невозможно.

Другая проблема, игнорируемая как социологами, так и политиками, состоит в том, что в современном мире люди не думают о себе как об обладателях только одного атрибута. Как правило, люди не склонны видеть в себе только каталонцев или испанцев, хотя к этому их можно принудить. Есть данные, подтверждающие, что один и тот же человек может ощущать себя одновременно, скажем, каталонцем и испанцем (а ранее словаком и чехословаком, и возможно, даже хорватом и югославом), если у него не отнимают насильственно права на такое двойное самоотождествление. Конечно, многие чувствуют большую склонность к единственному национальному имени. Националисты как раз и пытаются принудить людей к однозначному самоотождествлению и ослабить (посредством принуждения или убеждения) позиции тех, кто стремится к созданию общества, основанного на нескольких идентитетах. В то же время создание и выживание многонациональных государств обеспечивается наличием именно двойных идентитетов. Я мог бы привести немало данных в пользу этого тезиса, од-

нако это уже сделано в других моих работах²⁸. Например, согласно опросу жителей Каталонии, проведенному в 1982 г., 32% назвали себя либо испанцами, либо более испанцами, чем каталонцами, 40% — в равной мере испанцами и каталонцами, 17% — более каталонцами, чем испанцами, и, наконец, 9% — только каталонцами. Среди тех, чьи родители были уроженцами Каталонии, пропорции составили соответственно 11%, 48%, 26,5% и 14%. Если оба родителя были мигрантами, картина оказывалась иной — 34%, 37,5%, 12% и 11%. Наконец, при опросе иммигрантов распределение выглядит так: 64%, 26%, 4% и 2%.

Практически всех националистов не устраивают подобные факты. Некоторые националисты заявляют, что государство может быть только национальным, и требуют полного отождествления всех граждан со своим государством и государственной национальностью. Другие националисты утверждают, что существование их собственной нации несовместимо с любыми другими более широкими идентитетами. К счастью, есть и такие политики, что признают существование двойных идентитетов и строят на этом свои политические программы, политики, которые не видят никакого противоречия между чувством принадлежности как к государству-нации, так и к нации, не стремящейся к государственности. Впрочем, надо признать, что на деле они нередко уступают националистическим требованиям и начинают добиваться создания отдельного национального государства для собственной нации.

Можно с легкостью представить общество, каждый член которого обладает более, чем двумя идентитетами. К примеру, в себе можно видеть представителя своей нации, гражданина своего государства и члена какого-либо большого сообщества, скажем, жителя Европы. Самоотождествление с любой из этих общностей могло бы иметь для каждого человека свои собственные смысл и ценность, однако между этими самоотождествлениями не возникало бы никакого противоречия.

При том же каталонском опросе респондентов спрашивали, насколько они гордятся тем, что они испанцы (предлагалось четыре варианта ответов). 33% опрошенных

сказали, что они "очень гордятся", а 40% — гордятся "умеренно" (для целой Испании эти цифры соответственно составляют 45 и 40%). При ответе на такой же вопрос относительно принадлежности к каталонской национальности, высокую степень гордости высказали 36%, а умеренную 48%. Эти цифры означают, что большая часть респондентов гордится своей принадлежностью к обеим нациям и что многие мигранты из других районов Испании, проживающие в Каталонии, с гордостью считают себя каталонцами (нужно учесть, что население провинции более чем на 30% состоит из мигрантов)²⁹.

Эти факты позволяют говорить как о преднамеренном создании, так и о преднамеренном разрушении наций и государств³⁰. Первое требует разумных и умеренных лидеров, осознающих сложность общественной реальности и готовых к компромиссам. Второе с неизбежностью влечет за собой конфликт, часто даже насилие и подавление, к которым прибегают либо во имя государства, либо во имя нации, желающей обрести государственность. В некоторых случаях само государство стремится разрушить изначально существующие этнические чувства (в которых иные и видят нацию) посредством политики денационализации, культурных репрессий, а подчас и используя аппарат подавления. В других случаях многосторонние этнические связи, существующие в сложном поликультурном обществе, разрушаются во имя какой-либо одной нации. Успех подобных действий всегда зависит от готовности применить силу и от международного окружения, разрешающего использование силы или поддерживающего одну из сторон в конфликте, признавая ее законное право на силовые методы. Конфликты затрудняют, а то и делают невозможным строительство цивилизованного общества, члены которого могли бы жить вместе в едином государстве, к какой бы нации они себя ни причисляли. Результат таких конфликтов — эмиграция и беженцы.

Из сказанного выше вытекает, однако, что этого можно избежать, и необходимо задуматься, как этого добиться. К сожалению многие обществоведы, занимающиеся этими проблемами, особенно жители стран, избавленных от по-

добных конфликтов, склонны упрощать проблему права на самоопределение и на отделение (и нравственную основу стремления к отделению), и испытывают симпатии к жертвам притеснения, реальным и вымышленным³¹. В XX столетии национальное строительство, осуществлявшееся государством или же против воли государства, подчас приводило к ужасающим конфликтам.

Можно было бы заметить, что ныне существующие государства, достигшие стадии национальных государств или, по крайней мере, сделавшиеся государствами-нациями, в прошлом столетии преодолели этот путь вполне успешно. В этой связи можно вспомнить блестящую монографию Эжена Вебера "От крестьян — к французам". Из нее можно узнать, как французское государство, вдохновленное якобинской идеей "единой и неделимой" нации, преуспело в преодолении культурной и языковой неоднородности Франции³². Целенаправленное строительство нации силами французского государства завершилось невероятным успехом. То же самое делало в прошлом веке и либерально-централистское испанское государство, однако его успех оказался куда более скромным (хотя не следует упускать из вида, в какой мере Испания и испанское государство преуспели в усилиях стимулировать испанское национальное чувство в течение столетий, особенно в первые три четверти прошлого века). С сегодняшней точки зрения, эти достижения уже не кажутся такими привлекательными, ибо они дались ценой, которую многие сочтут чрезмерной.

Дело, однако, не в том, как мы оцениваем историю ныне существующих национальных государств, а в том, можно ли повторить их достижения в наше время. Как показывает социологический анализ, сегодня аналогичные усилия, какую бы симпатию они ни вызывали, обречены на провал в большинстве обществ и, безусловно, не могут быть успешными в либерально-демократических обществах. Причины этого заслуживают подробного обсуждения, но нам придется ограничиться всего лишь некоторыми моментами.

В современном мире, даже на крайней периферии, каждое общество создает интеллектуальную элиту, которая

как по эмоциональным причинам, так и, не будем этого забывать, в собственных интересах всегда защищает первородные ценности и характеристики. Как правильно подчеркнул Геллнер, в аграрном доиндустриальном обществе таких элит не существовало. Сегодня они существуют даже в самих аграрных обществах.

Хотя я не согласен с часто встречающимся в работах о национализме мнением, что интеллектуалы, артисты и писатели являются единственной или ведущей силой в распространении националистических идей, роль этих групп несомненно важна. Сегодня они могут защищать эти идеи на основе обширного и расплывчатого идеологического наследия. Не следует думать, что интеллектуалов привлекают только хорошо разработанные рационализованные идеологии. Есть достаточно примеров, когда беспорядочная и невнятная идеология сильно воздействует на чувства и эмоции людей, в других случаях способных к вполне рациональному поведению. Сегодня принципы национализма доступны так, как никогда не были доступны перед XIX и XX столетиями. Влиятельнейшие идеологии прошлого — фашизм и коммунизм — находили поддержку международного общественного мнения, лидеры которого знали очень мало или совсем ничего об обществах, где националистические идеи, противоречившие их собственным либеральным ценностям, применялись на практике. Давайте не будем обманывать себя, рассуждая о конце идеологии в современном мире. В вакууме, образовавшемся в результате кончины многих других идеологий, национализм набрал новую, ранее небывалую силу.

Эти интеллектуальные элиты к тому же легко могут взывать не только к образованным кругам, но и с помощью средств массовой информации — к широкой аудитории, недоступной в прошлые времена. Образовательная и культурная политика, подобная политике Французской Третьей республики, сегодня вряд ли осуществима.

В наше время либерально-демократические принципы легитимности — институты правового государства — на словах пользуются всеобщим признанием, даже тогда, когда на практике эти принципы нарушаются. Поэтому мно-

гие страны, которым необходимо уважение мирового сообщества, не могут дискриминировать и подавлять тех, кто заявляет о своем праве на культуру, язык и историческое прошлое, даже если эти требования облечены в форму крайнего национализма. Это та самая реальность, которую не могут игнорировать современные государства, если только они не хотят обратиться к авторитаризму. Но авторитаризм неприемлем и для тех, кто не проявляет симпатии или хотя бы терпимости к националистам, оспаривающим идею строительства государства-нации.

Сейчас необходимо искать новые способы государственной интеграции, не основанные на национальном строительстве. К тому же важно учесть, что многие аспекты жизни современных обществ сами по себе не способствуют претензиям националистов, ставящих под сомнение роль государства. Рыночные силы, создающие потребность в свободном движении людей и капиталов и в расширении экономического пространства, одновременно являются силой, интегрирующей все еще разделенные экономическими границами страны. Несмотря на рост требований о признании всякого рода местных языков (которые, как отмечал Геллнер, в современных обществах подчас играют роль инструментов обретения политического влияния), мировая экономика все же ставит на первое место самые распространенные и широко используемые языки. Но если в коммерческой сфере предпочтительней использовать такой всемирный язык, как английский, то для обыденного общения может быть более подойти, скажем, не стандартный вариант немецкого, а его швейцарский диалект. Впрочем, не следует надеяться, что на первом месте всегда окажутся вполне рациональные соображения относительно экономической целесообразности крупных политических образований. Скажем, в Югославии в 1991 г. никто не думал о том, что лучше бы отложить этнические конфликты хотя бы до осени, чтобы не повредить туристскому сезону. Плановая, централизованная экономика СССР создавала экономические связи независимо от границ между республиками, но идея единого советского рынка и его насущного значения для республик ни в ко-

ей степени не могла сравниться с их стремлением к независимости. Новый национализм создает препятствия при создании широкого рынка, а это тормозит экономический рост. Расчет же новых национальных государств на преимущества присоединения к европейскому Общему рынку часто оказывается иллюзорным.

Я мог и бы и дальше рассуждать о сложностях использования государственной власти для создания национальных государств якобинского типа. Точно так же я мог бы погрузиться в более детальный анализ, почему мирное строительство наций в поликультурных обществах проходит с таким трудом (особенно если народы, проживающие там, территориально перемешаны и если "строители" торопятся). Эти сложности объясняют, отчего инструментом национального строительства столь часто оказывается насилие, осуществляемое либо государством, либо низовыми националистическими движениями.

Некоторые сочтут, что наилучшее решение проблем национального строительства — демократия, преуспевшая в сглаживании классовых конфликтов, которые всего несколько десятилетий назад казались главной угрозой стабильности индустриальных обществ. Я думаю, что от демократии и вправду может быть польза, но не раньше, чем мы прекратим отождествлять сущность демократических процессов с принципом правления большинства. Можно усомниться, однако, что лучший демократический способ решения национальных проблем — массовое голосование по вопросу самоопределения. Современный человек ощущает себя связанным, пусть и в неодинаковой степени, со многими культурными и этническими группами. Население каждой территории состоит как из представителей доминирующей культуры, так и из культурных меньшинств. В этих условиях попытка достичь самоопределения с помощью плебисцита, как правило, оказывается бесполезной. Еще во времена Версальской мирной конференции прекраснодушные защитники самоопределения наций столкнулись с тем, что правило "пусть народ решает сам" попросту не работало, ведь сначала нужно было договориться, из кого состоит тот самый народ, который будет решать, и нередко

сам выбор predeterminedял результат, приемлемый отнюдь не для всех призванных вынести это решение. Сэр Айвор Дженнингс в работе "Как достичь самоуправления" очень четко сформулировал этот вывод: "Принцип «пусть народ решает сам» внешне выглядел очень разумно. На деле же он был сплошной нелепостью, ибо народ ничего не может решить до тех пор, пока кто-то не решит, из кого этот народ состоит.³³ Демократу очень легко заявить "пусть народ решает!", однако это просто лишь в теории, а в реальной жизни — необыкновенно сложно. Изучение этих сложностей — поле деятельности социологов, и анализ общественного мнения, проведенный строго и корректно, может принести большую пользу (если подобный анализ провести недостаточно грамотно, может возникнуть слишком упрощенная картина). В моей практической работе при опросах я сам пытался выявить сложности национальных явлений, формулируя вопрос о национальности так, чтобы респонденты в своих ответах не были обязаны жестко привязывать себя к одной единственной национальности.

Парадокс национального строительства состоит в том, что вслед за периодом национального пробуждения с такими его атрибутами, как создание культурных институтов, стандартизация языка, организация националистических движений и проведение демонстраций в поддержку собственной независимой государственности, для лидеров движений приходит время выбора между мирными, чисто институциональными средствами достижения заявленных ими целей и обращением к насилию, формированием собственных вооруженных отрядов или даже, если противостоящее им государство достаточно прочно, обращением к методам индивидуального террора. В этот момент националистическое руководство обычно теряет былую сплоченность, и какая-то его часть решает работать в рамках существующей политической системы (такой раскол менее вероятен, если имеющееся государство уже разваливается само по себе или если националисты получают сильную международную поддержку). Этот вариант приобретает особое значение, если к демократии страна переходит от авторитарного режима, подавлявшего все национальные чаяния.

Есть два пути для перехода к демократии. Если при господстве прежнего авторитарного режима уже существуют автономные (на деле или хотя бы в теории) региональные институты, их руководители, даже если они раньше и не выступали на стороне демократии, вполне могут начать апеллировать к национальным чувствам населения, чтобы тем самым приобрести его поддержку в борьбе против слабого или разваливающегося центра. Если только в центре не возникнет легитимной демократической власти со своими представительными органами, способными быстро и эффективно возглавить переговоры о создании новой общегосударственной структуры (для этого, в частности, требуется провести по всей стране выборы в новые центральные органы еще до того, как будут проведены региональные выборы), регионы могут начать требовать полной независимости. В такой ситуации их руководители обычно провозглашают создание новых государств и приступают к государственному и национальному строительству. На этом пути они рано или поздно сталкиваются со множеством трудностей (создание нации — очень нелегкая задача!), которые новые государства подчас просто не в состоянии преодолеть. Судя по всему, именно это и происходит на территории бывшего Советского Союза, тем более, что бывшие коммунистические аппаратчики, внешне ставшие националистами, имеют очень слабое представление о либерализме и демократических институтах.

Однако переход к демократии может осуществляться, как это было, скажем, в Испании, и при сохранении ранее существовавшего государства, которое не отождествляется с прежним режимом. Если этот переход инициируется самим поставторитарным государством, действующим по формуле "договорная реформа — договорный разрыв", перед убежденными националистами возникает дилемма: либо участвовать в этом процессе, либо отказаться от любого сотрудничества с государственной властью. Единое прежде национальное движение как правило разделяется на сторонников разных стратегий: одни выступают за временное сотрудничество, сочетающееся с нажимом на власть с целью добиться независимости, другие решают

участвовать в выборах законодательных органов, имея в виду усилить свои позиции в последующих переговорах с центром об отделении либо обретении автономии в рамках нового федеративного или конфедеративного государственного устройства. Национальное движение, не имеющее шансов обрести свою долю власти в рамках демократической государственной структуры, с легкостью может сохранить единство, продолжая оставаться на прежних радикальных позициях. В противном случае оно обычно разделяется на тех, кто превыше всего ставит независимость и желает добиваться ее любой ценой, включая террор и насилие, и тех, кто склоняется к сотрудничеству с существующей системой, рассчитывая таким путем добиться от нее максимальных уступок и облегчить процесс национального строительства.

Вторая группа, в свою очередь, с высокой вероятностью делится на сторонников быстрого разворачивания этого процесса, которые, приняв участие в выборах и создании новых государственных институтов, готовы и дальше продолжать переговоры с центральной властью и добиваться от нее согласия на независимость, и тех, кто, убедившись в необратимости осуществленных конституционных преобразований, откладывают достижение национальных целей в долгий ящик. Последние в принципе не отказываются от былых национальных надежд и грез, но в то же время проявляют готовность к участию в самоуправлении той территории, которую центральная власть признает принадлежащей их национальной группе. В общем, националистический лагерь распадается на два лагеря: к одному принадлежат те, кто становятся на путь принципиальной, но мирной оппозиции в рамках демократических институтов; в другой попадают те, кто не могут или не надеются достичь своих целей демократическим путем и поэтому выбирают другие средства.

Национальное движение и те политические партии, которые представляют его в демократической политической системе, оказываются перед альтернативой — либо продолжать процесс национального строительства в условиях не-национального государства, либо отказаться от любых

компромиссов и дальше бороться за независимость. Что касается государства, то оно может оказаться в ситуации кризиса, из которого можно выйти без применения силы лишь в том случае, если национальное движение придерживается тактического единства и пользуется поддержкой большинства на достаточно обширной территории. В наше время использование силы для подавления обладающего демократическим представительством большинства населения территории лишает самое государство легитимности и, скорее всего, может привести его к краху. Если национальное движение расколото на экстремистские и умеренные фракции, его лидеры могут достичь компромисса и продолжать национальное строительство в уже существующем государстве, которое в ходе этого процесса может приобрести демократическую легитимность. Такой исход в принципе вероятен и возможен, если население страны в значительной степени состоит из людей с комплексным национальным самосознанием. Новые формы демократического государственного строительства можно найти, используя прежде всего эту неоднозначность национального самоотождествления. В столь динамичной ситуации многое, по моему мнению, зависит от решений, принимаемых руководителями национального движения и представителями государства. Важно также, пользуются ли поддержкой сторонники насилия и удачны ли их попытки раскрутить спираль терроризма и репрессий до стадии конфронтации государственного масштаба. Именно в этом контексте очень интересен опыт политики испанского государства в Стране Басков.

Роль руководства в переходное время решает все. Ужесточение требований и жестокие словесные баталии могут привести к конфронтации, подрывающей позиции умеренных сил и разрушающей надежды достичь мирного и демократического урегулирования. Строительство нового типа либерального и демократического государства, государства с нацией, отвергнувшей идею прежнего централизованного национального государства, может создать новое государство-нацию, отвечающее чаяниям всех проживающих в его границах национальностей. Демократичес-

кое многонациональное многоязычное и поликультурное государство в принципе возможно.

Отсюда, однако, не следует, что успешное становление такого государства исключает все будущие национальные и региональные споры и конфликты. Можно ожидать как раз обратного, а именно, что соглашения о конституционном устройстве государства и разделе полномочий между центральными и региональными властями, достигнутые в течение переходного периода, и дальше будут интенсивно обсуждаться и, вероятно, корректироваться. Однако демократическое и либеральное конституционное государство, обладающее таким инструментом разрешения конфликтов, как конституционный суд, государство, делящее власть с национальными силами не только на периферии, но и в центре, и позволяющее им успешно добиваться хотя бы частичного осуществления их целей, все же в состоянии успешно справиться с этими задачами и стать образцом нового государственного устройства. Можно сослаться на испанский опыт "состояния автономии" как на пример удивительного и в значительной степени неожиданного успеха такого процесса.^{***} С другой стороны, недавние события в Югославии столь же убедительно показывают, что на этом пути могут встречаться и крупные неудачи. Было бы очень поучительно сравнить те способы, посредством которых политические системы в обеих странах реагировали на требования проводников национального сознания. Построить многонациональное государство очень не просто, но все же возможно, однако для этого надо отказаться как от убеждения, что каждое государство должно

**** Я иногда задумываюсь, почему в Испании воспоминания о гражданской войне заставляли всех и каждого опасаться ее повторения, и тем самым после смерти Франко способствовали мирному переходу к демократии, и почему в Югославии подобные факты не вызвали аналогичной реакции политиков. Возможно, дело в том, что этнические и религиозные конфликты прошлого куда сильнее отпечатываются в памяти будущих поколений, чем идеологические и классовые битвы. Память о национальном и религиозном противостоянии способна пробудить взаимную ненависть такой силы, по сравнению с которой бледнеют любые негативные эмоции, вызванные воспоминаниями о братоубийственной гражданской войне, бушевавшей некогда в Испании.*

стремиться стать национальным государством, так и от принципа, согласно которому любая нация обязана бороться за обретение своей независимой государственности. Как напоминает великий каталонский лидер и политик Франсеск Камбо,³⁴ эта задача так же непроста, как и все прочее в нашей жизни, однако ее успешное решение может избавить нас от тех огромных неприятностей, к которым приводит путь "непомерных упрощений".³⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 R. Bendix (1978) *Kings or People. Power and the Mandate to Rule*. Berkeley, University of California Press.
- 2 B. Badie (1992) *L'Etat importé. Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique*. Paris, Fayard.
- 3 J. Linz (1973) Early State-Building and Late Peripheral Nationalisms Against the State: The Case of Spain. In *Building States and Nations, Analyses by Region*, S. Rokkan and S.N. Eisenstadt, Eds, Vol. II, Beverly Hills, Sage, pp. 32-116.
- 4 J. Burckhardt (1943) *Die Kultur der Renaissance in Italien*. Bern, Hallwag (first published in 1860). The work starts with a section entitled: Der Staat als Kunstwerk, pp. 11-144.
- 5 L. Greenfeld (1992) *Nationalism. Five Roads to Modernity*, Cambridge, Harvard.
- 6 H. Ullrich (1978) Bürgertum und Nationale Bewegung im Italien des Risorgimento. In *Nationalismus und Sozialer Wandel*, O. Dann, ed. Hamburg.
- 7 J. Linz (1991) La crisis de las democracias. In *Europa en Crisis, 1919-1939*, Mercedes Cabrera, et. al., Madrid, Editorial Pablo Iglesias, pp. 231-280.
- 8 L.L. Snyder (1876) *Varieties of Nationalism: A Comparative Study*, New York, Holt, Rinehart and Winston, p. 108.
- 9 M. Weber (1968) *Economy and Society*, vol. 1, Guenther Roth and Klaus Wittich, Eds, New York, Bedminster Press, pp. 54-56.
- 10 C. Tilly (1975) Reflections on the History of European Statemaking. In *The Formation of National States in Western Europe*, C. Tilly, Ed. Princeton, NJ, Princeton University Press, p. 70.
- 11 G. Poggi (1978) *The Development of the Modern State. A Sociological Introduction*, Stanford, CA, Stanford.
- 12 J.J. Linz (1975) Totalitarian and Authoritarian Regimes. In *Handbook of Political Science*, F. Greenstein and N. Polsby, vol. III, Reading, M.A, Addison-Wesley, pp. 175-411.
- 13 G. Poggi (1990) *The State, Its Nature; Development and Prospects*, Cambridge University Press, Polity Press, pp. 70-85.
- 14 E. Sieyès (1789) *Qu'est-ce que le Tiers Etat?* Chapter 1.
- 15 M. Weber (1968) *Economy and Society*, Vol. 2, pp. 921-926.
- 16 M. Rainer Lepsius (1990) 'Ethnos' und 'Demos.' In *Interessen, Ideen und Institutionen*, R. Lepsius, Opladen, Westdeutscher Verlag, see pp. 250-251, also pp. 232-246.

- 17 Enric Prat de la Riba, quoted by Jordi Solé-Tura (1967) *Catalanisme i revolució burgesa. La sintesi de Prat de la Riba*, Barcelona, Edicions 62, pp. 180-181.
- 18 Evangelista de Ibero (1906) *Ami Vasco*.
- 19 J.J. Linz and A. Stepan (1992) Political Identities and Electoral Sequences: Spain, the Soviet Union and Yugoslavia. *Daedalus*, pp. 121, 2, 123-139.
- 20 N. von Preradovich (1955) *Die Führungsschichten in Osterreich und Preussen (1804-1918). Mit einem Ausblick bis zum Jahre 1945*, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag.
- 21 O. Pflanze (1963) *Bismarck and the Development of Germany. The Period of Unification*, Princeton, NJ, Princeton University Press, pp. 4-13, also 113, 123-124.
- 22 A. Hitler (1943) Ein Monstrum von menschlichen Mechanismus. Vol. II, Chapter 2 (The State) in *Mein Kampf*, translation by Ralph Manheim, Boston, Houghton, Mifflin, pp. 386-437.
- 23 M. Hroch (1968) *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den leinen Völkern Europas*, Prague, University Karlova.
- 24 J. Motyl (1990) *Sovietology, Rationality, Nationality, Coming to Grips with Nationalism in the USSR*, New York, Columbia University Press, pp. 105-118.
- 25 E. Gellner (1983) *Nations and Nationalism*, Itaca, NY, Cornell, pp. 44-45.
- 26 J. Linz (1985) From Primordialism to Nationalism. *New Nationalism in the Developed West*, Edward A. Tiryakian and Ronald Rogowski, Eds. Boston, Allen and Unwin, 203-253.
- 27 M. Weber (1968) *Economy and Society*, Vol. 1, pp. 395-398.
- 28 J. Linz (1986) *Conflicto en Euskadi*, Madrid, Espasa Calpre.
- 29 F. Andres Orizo and A. Sanchez Fernandez (1991) *El sistema de valores dels Catalans*, Barcelona, Institut Catalá d'Estudis Mediterranis, p. 207.
- 30 T. Bluhm (1973) *Building an Austrian Nation. The Political Intergration of a Western State*, New Haven, Yale, pp. 220-241.
- 31 A. Buchanan (1991) Secession. *The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec*, Boulder, CO, Westview Press.
- 32 E. Weber (1976) *Peasants into Frenchmen, The Modernization of Rural France 1870-1914*, Stanford, Stanford University Press.
- 33 L.C. Buchheit (1978) *Secession. The Legitimacy of Self-Determination*, New Haven, Yale University Press, p. 9.

34 F. Cambó (1982) *Meditacions. Dietari (1936-1940)*, Barcelona, Alpha.

35 R. Bendix (1977) *Max Weber. An Intellectual Portrait*, Berkeley, University of California Press, p. 462.

Яэль Тамир

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ *

ПРАВО НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САООПРЕДЕЛЕНИЕ

Одна из постоянных черт человека, помимо чисто физических, состоит в потребности обладать своей собственной уникальной историей, не сводящейся к истории всего человечества, а также в том, чтобы сохранять и культивировать именно то, что человек считает особенным для себя и наилучшим для данного места и времени и что он считает равным тем универсальным и моральным предпочтениям, которые являются общими для всех.

Стюарт Хэмпшир

Хотя право на национальное самоопределение постоянно оказывается в центре современной политической риторики, его теоретический анализ — явление довольно редкое. Обычно этим занимаются специалисты по международному праву, на чьи работы заметно влияют правовые и политические прецеденты. Политические философы обычно тяготеют к тому, чтобы выводить содержание прав на самоопределение из политического обустройства в прошлом и в современности, приходя на этой основе к выводу, что главное в национальном самоопределении — право решать, "станет ли (или останется ли) данная территория независимым государством."¹ В интерпретации, которая доминирует в постколониальную эру, основной акцент делается на том, что "народ, если такова его воля, вправе обрести независимость от иностранного господства, иначе говоря, создать суверенное государство на той территории, на которой он проживает и составляет этническое большинство."²

Однако вытекающие из права на национальное самоопределение претензии лежат скорее в культурной, не-

*Главы из книги Yael Tamir. *Liberal Nationalism*. Princeton University Press. Princeton, New Jersey. 1993.